

Хань Линь резко тормознул и, не дав Сун Чэну даже рта открыть, развернулся и пошёл прочь. Тот сначала растерянно гмыкнул, а потом проследил за его взглядом — и всё понял: у лестницы Линь Цзунцзе самозабвенно «флиртовал» с какой-то девчонкой, которая тянулась к нему руками.

— Президент! — заорал Сун Чэн во всё горло.

Линь Цзунцзе поднял голову. Увидел Сун Чэна — и заодно тот самый безразличный затылок Хань Линя, уже маячивший вдалеке.

— Блин. — Тихо выругавшись, он стряхнул наконец лапу Лу Цинюань, которая всё норовила до чего-то дотянуться у него на лице. — Хань Линь! Стоять, я сказал.

Дело с Чжоу Цзинь сегодня надо было раз и навсегда прояснить.

Он, Линь Цзунцзе, отказывался верить, что этот Хань Линь просто ослеп или мозги у него жиром заплыли. Такой видный с виду — и вытворяет чёрт знает что. Ну да ничего: природа не поскупилась на длинные ноги, так что трёх шагов хватило, чтобы догнать беглеца.

Привычным движением — сколько уже раз так делал — схватил за локоть и прижал к стене. Правда, ладонь заботливо подставил под затылок: дело-то привычное, так что голова Хань Линя стукнулась о его костяшки с такой силой, что самому стало больно.

Хань Линь нахмурился. На лице проступило нескрываемое раздражение.

— Отпусти.

— У тебя с головой всё в порядке вообще? Уводить чужих девушек — это у тебя достижение такое? Семнадцать лет учился — и всё впустую? Ты хоть понимаешь, что делаешь? И как мне в глаза смотришь после всего этого?

Сун Чэн замер в сторонке с видом зрителя, дорвавшегося до бесплатного представления.

Лу Цинюань, скрестив руки на груди, подошла поближе и шёпотом спросила:

— Это они о чём вообще?

— Понятия не имею, — отозвался Сун Чэн. — Но учебный староста с президентом вечно вот так грызутся. Привыкай.

— М-да. — Лу Цинюань оглядела лицо Хань Линя с тем же сочувственным выражением, что и у

Линь Цзунцзе. Ну надо же — симпатичные парни такие везде одинаковые. В море полно рыбы, а этот вытащил из песка протухшую селёдку и радуется, как будто клад нашёл.

А потом она обратила внимание на то, что рука, которой Линь Цзунцзе только что держал её, теперь держит Хань Линя — и раздражение всё нарастало. Что за человек вообще? Играет людьми как хочет. То «нравишься», то силой целует, настроение хорошее — швыряет к стенке, к скамейке, к дверному звонку, настроение плохое — колотит по столам и хватает за воротник. Выходит, что ему угодно — то и можно?

Хань Линь тоже был изрядно зол, но, в отличие от Линь Цзунцзе, не терял над собой контроль где попало. Лицо — мрачное, голос — ровный.

— Даю тебе три секунды. Отпусти.

— Не отпущу — и что?

— Ты нормальный вообще?

— Ненормальный. Нормальный бы из-за тебя не психовал. — Линь Цзунцзе готов был кусаться. — Ты такой видный, такой умный, с такими родителями — тебя хоть куда поставь, не стыдно. И в кого ты, скажи мне, не мог влюбиться? Нет, обязательно надо было влезть к занятой девушке! Даже если она тебе нравится — нельзя же быть такой скотиной!

Хань Линь помолчал.

Потом чуть повернул голову, словно уточняя, не ослышался ли он.

— Ты... что сейчас сказал?

— Ещё притворяешься! Тот вечер, когда я тебя ждал в классе и звонил, а ты не брал трубку — ты в это время с ней болтал по телефону, да?

Стоило только представить: он сидел и ждал, как девчонка, с замирающим сердцем смотрел на экран, а этот взял и отдал всю свою нежность кому-то другому. Ночи без сна, кусок в горло не лезет, голова идёт кругом от мыслей, как признаться — а этот тем временем строил глазки какой-то девице.

Ну скажите, за что Хань Линь его так?

Чем он, Линь Цзунцзе, хуже? Ниже Чжоу Цзинь? Менее красив? Беднее? К тому же при опасности он не прячется за чужую спину. И репутация чистая, никаких скелетов в шкафу, и — что немаловажно — никакого действующего бойфренда, то есть никакого третьего лишнего.

Блин.

Этот идиот сам отказывается от такого сокровища — ради кого-то ещё?

— Говори. Что у тебя с той Чжоу Цзинь?

— Тебе-то какое дело?

— Как это — какое? Её парень уже к тебе явился разбираться — и тебе хоть бы что?

— Ты, кажется, что-то напутал.

— Что я напутал?! Сегодня я от него тебя отделался — и на этом спасибо. Но ты сам виноват, хоть и не хочешь признавать. Мне всё равно, нравится тебе та Чжоу Цзинь или нет, — сегодня же вечером разберись и закройте эту историю. Расстаньтесь. Прямо сейчас.

Хань Линь не сразу понял, что именно на его лице изобразилось — кажется, криво усмехнулся. В общем, дар речи потерял окончательно.

— Сначала отпусти.

— Расставайтесь. — Линь Цзунцзе едва не орал.

— Ладно, ладно, расстанемся, расстанемся. — Хань Линь дёрнул зажатую руку — чуть вырвал, но до конца так и не высвободился. — Подожди. Кто тебе вообще сказал, что у меня с ней что-то есть?

— Это ты к чему?

— Она просто соседская девочка. Живёт напротив через площадку. Не веришь — пойдём как-нибудь, сам посмотришь.

Линь Цзунцзе завис.

— Чего?

— Подождите. — Лу Цинюань шагнула ближе. — Маленький брат, ты что, не знал? У Чжоу Цзинь есть парень — некий Лу.

— Знаю. — Хань Линь кивнул. — Она решила сосредоточиться на учёбе и поступлении, сказала,

что он ей мешает, и предложила расстаться. Но тот не соглашался и даже угрожал. Она испугалась, вот и попросила меня несколько дней встречать её после школы у вашей Седьмой.

Линь Цзунцзе переварил услышанное — и, не теряя времени, обернулся к Лу Цинюань:

— Это что за тип у тебя брат? Я говорю — сам виноват, ты на меня набросилась. Девушка разошлась — отпусти и живи дальше. Чего цепляться?

— Сам-то слышишь, что несёшь? — Лу Цинюань нахмурилась и засучила рукава. — Кто тут во всём виноват, а? Рот открываешь — и сразу на моего брата. Совесть есть? Помнишь, как мы с тобой раньше...

— Тихо! — Линь Цзунцзе запаниковал, отпустил Хань Линя и бросился зажимать ей рот рукой.  
— Не городи чушь. Она мне как сестра — вроде как ты и Чжоу Цзинь друг другу.

Хань Линь потёр гудящую руку и напомнил:

— У Седьмой в тот раз ты сам сказал, что она твоя девушка.

Это было единственное мимолётное пересечение, и надо же — Хань Линь запомнил. Линь Цзунцзе с его беспечностью и сейчас не смог бы толком описать, как Чжоу Цзинь выглядит.

— Идём есть. — Хань Линь поманил Сун Чэна и развернулся к выходу, но через пару шагов остановился. Обернулся к Лу Цинюань. — Как тебя зовут?

— Отпусти. — Она вырвалась из рук Линь Цзунцзе, отплевалась от его ладони, едва не забитой ей в рот, и угрюмо посмотрела на Хань Линя. — Лу Цинюань.

Хань Линь кивнул и ушёл вместе с Сун Чэном.

\*\*\*

К тому времени, как они поели и вернулись в класс, Линь Цзунцзе уже сидел на месте — тихий, послушный, совсем не такой, каким был днём. Примостился рядом с Хань Линем, обвис, как щенок со свалывшимися ушами, глаза в пол, вид обиженный. Молчал.

Хань Линь делал домашнее задание — как всегда, пока не закончит, домой не уходит. Линь Цзунцзе всё это время тихонько косился на него сбоку: смотрел, как тот решает задачи, как щёлкает колпачком ручки, как убирает учебники в рюкзак.

— Слушай, ты подарок домой не заберёшь?

Если бы не напомнил — Хань Линь и забыл бы. Он вытащил из парты коробочку с ручкой и протянул обратно:

— Спасибо. Но я не могу принять.

— Эй. — Линь Цзунцзе перехватил его рукав. — Хотя бы открой сначала, а потом уже решай.

— Я не поэтому отказываюсь. Не из-за того, что внутри.

— Ну виноват я, виноват. Что ещё от меня нужно?

Хань Линь не ответил.

Что это такое вообще — «виноват я» с таким тоном? Это ж чистой воды арсенал парня, которого прощают всякий раз.

Линь Цзунцзе продолжал давить мягким голосом:

— Я полгорода объездил, пока нашёл. Хоть посмотри, что внутри — это же от сердца. А потом уже решай.

— Раз всё равно не возьму — зачем открывать?

— Надо. — Линь Цзунцзе кивнул с таким усердием, что чуть не стукнулся лбом о стол.

Хань Линь вздохнул. Характер Линь Цзунцзе он знал: раз уж тот завёл разговор — не отпустит, пока не добьётся своего.

Положил рюкзак на стол. Длинными ухоженными пальцами потянул серебристый бантик с чёрной коробки. Обёрточную бумагу с английскими словами признания бережно расправил и отложил целой. Открыл крышку — и там лежала изящная ручка с большой гравировкой на корпусе: «□».

Хань Линь чуть помолчал, потом прочитал вслух:

— Лу?

— Да что за зрение у тебя! — Линь Цзунцзе не выдержал. — Это же «Линь», говорю тебе. Линь.

— Линь?

— Лин.

— Лин-г.

— Господи, это «□» из «Хань Линь»!

— А по-моему, это «□» из «Лу Цинюань». — Хань Линь накрыл коробку крышкой и вернул обратно — прямо в подставленные руки Линь Цзунцзе, которому ничего не оставалось, как ловить её. В ту же секунду Хань Линь подхватил рюкзак и вышел из класса.

— Ну и наградил меня господь бог этим типом.

\*\*\*

Улица за воротами школы светилась привычными жёлтыми фонарями. Хань Линь сегодня не стал ловить такси и не пошёл на автобус — просто брёл не торопясь. За спиной слышались шаги, и они всё приближались. Видимо, боясь, что слишком близко — отпугнёт, Линь Цзунцзе намеренно держался на два шага позади, коробочка с ручкой всё ещё была у него в руках.

— Не хочешь брать — ладно, — заговорил он наконец. — Тогда пусть в школе лежит. Будет настроение — возмёшь, попишешь. У тебя почерк красивый, я за тобой нарочно смотрел — эта ручка тебе подойдёт.

Помолчал.

— Кстати. Вы с Сун Чэном давеча бормотали что-то — make me, meet you. Что за смысл? Он говорил про судьбу. Я не понял. Я в судьбу не верю.

Хань Линь по-прежнему молчал. Линь Цзунцзе вздохнул и достал из кармана аккуратно сложенный квадратик обёрточной бумаги. Английские слова чётко выделялись на чёрном фоне. Линь Цзунцзе в английском был слаб, произносил коряво — но чистый голос Хань Линя, повторявшего эти строки днём, всё ещё звучал у него в голове.

Он начал по слогам, запинаясь:

— It is fate... that makes me... meet you, it is my choice... to befriend you, and it... is accident to... fall in love with you.

Дочитал. Поднял голову и улыбнулся — ровно, с белозубой открытой улыбкой.

— Последнее предложение я и сам могу перевести. Love with you — это «я тебя люблю»,

правда?

<http://bllate.org/book/18229/1759490>